

«Юрист всю жизнь занимается тем, что выступает в роли городского сумасшедшего»

О том, кто выступает драйверами прокредиторского подхода в банкротстве, почему не работают инструменты ограничения ответственности директоров, а поправки к Конституции не изменяют ситуацию в праве, рассказал **Дмитрий Степанов**, адвокат, партнер адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», к. ю. н., LL. M.

Беседовал
Андрей Набережный,
главный редактор
журнала «Арбитражная
практика для юристов»

— Дмитрий, спасибо, что согласились на интервью для нашего журнала. Первое, что хотелось бы обсудить, — ответственность руководителей. Какие тенденции сейчас наблюдаются в практике привлечения их к ответственности? Что становится общей практикой в судах, а что отходит на второй план?

— Мы идем к тому, что ограниченная имущественная ответственность в корпоративном праве превращается в миф. Это началось в банкротстве, когда через субсидиарную ответственность любое контролирующее должника лицо (КДЛ) фактически должно возмещать все долги юридического лица. Моя же гипотеза в том, что это движение в банкротном законодательстве перекинулось на корпоративное право. Сейчас мы видим, что менеджеры начинают отвечать за любые невыгодные последствия сделок, совершенных от имени корпорации. Однако основа основ корпоративного права в том, что директор не отвечает за какие-то неудачные транзакции, если что-то пошло не так.

Грубо говоря, вы пришли построить дом, начали его строить, а конъюнктура рынка изменилась так, что дома никому не нужны. Никто не мог это предвидеть. В развитых правовых порядках руководитель за это ответственности не несет, поскольку включа-

В банкротстве уже, по сути, любой «постоявший рядом» с корпорацией начинает отвечать

ется доктрина «правило бизнес-решения» (business judgment rule).

— Как происходит в российском право-порядке?

— В российских судах, да и вообще во всей нашей правоприменительной практике есть такой бич, когда задают вопрос из ряда «А кто же тогда будет отвечать?». Попытка найти крайнего как раз приводит к тому, что ответственность несет гендиректор. Так что начиная с 2015–2016 годов мы видим, что половина исков о привлечении к ответственности директора удовлетворяется.

Мой соавтор по книге Юлия Михальчук недавно приводила следующую статистику за 2017 год: в корпоративном праве удовлетворяется 48 процентов исков к директору, в банкротном — 55 процентов требований о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ. Но процент взыскания по суду ниже в первом случае и выше во втором. Если, условно, в субсидиарке кредитор просит миллион, то в среднем «по палате» признание будет 540 тыс. руб.

В случае с корпоративными спорами удовлетворяется половина исков, но сумма присуждения в разы меньше — всего 1 процент в пересчете на суммы всех заявленных исковых требований. У директоров пока ситуация еще лучше, чем в субсидиарке. Но это взаимосвязанные явления.

— Что выделите еще?

— Практика очень аккуратно начинает тестировать нормы об ответственности перед корпорацией в отношении не только директоров, но и иных лиц, например

акционеров. Это объяснимая ситуация: вот получите вы с директора судебный акт о взыскании 7 млрд. У него, может быть, есть квартира, дом, машина, яхта и т. д. Но он все равно не может своим имуществом восполнить те потери, которые не смогла восполнить корпорация, — ведь из-за того, что корпорация не смогла с кем-то рассчитаться в полном объеме, и возникает практика взыскания убытков с директора в корпоративном праве и субсидиарка с КДЛ — в банкротном. Естественно, попытаются найти того, у кого деньги. Деньги у собственника.

В обозримом будущем мы увидим, что появится намного больше дел, в которых убытки взыскивают с акционеров. В банкротстве уже, по сути, любой «постоявший рядом» с корпорацией начинает отвечать. Недавний пример: юриста, действовавшего в связи с делами корпорации, попытались назвать КДЛ; правда, пока это дело не разрешилось до конца. А директор или акционер отвечает всю в банкротстве.

В корпоративном праве директор отвечает уже в тысячах дел. Так что в корпоративном праве не любой управлявший юрлицом отвечает, но через одного — точно. В итоге никакой ограниченной имущественной ответственности нет, юридическое лицо в российском праве более не является имущественным щитом.

В отношении директора такая практика опасна. Если она перекидывается на акционера, то что остается тогда от ограничения имущественной ответственности юридического лица? Конечно, мне такая тенденция несимпатична.

— **Однако в субсидиарной ответственности есть правило освобождения в случае изменения конъюнктуры рынка.**

— Но оно в теории есть, а по факту нет. В Законе о банкротстве сплошные презумпции, направленные против КДЛ. В этих 45 процентах случаев, когда (пока еще) в исках отказывают, возможно, суды видят изменения конъюнктуры рынка. Мне это совершенно не нравится. Многим банкротчикам — наоборот; их нужно больше, чаще, жестче наказывать.

— **Это явление убивает развитие бизнеса в стране?**

— У нас много что убивает бизнес. Подобная ситуация не делает ведение бизнеса особо привлекательным. Проблема в том, что банкротство стимулирует эту практику уже в корпоративном праве. В банкротстве у нас есть два очень мощных драйвера этого процесса. С одной стороны — коммерческие банки, они традиционно в России были очень сильны в судах и «продавливали» определенную прокредиторскую практику. Это системный момент, он как-то недооценивается. Если посмотреть на все наше законодательство о банкротстве, то наши должники особо ни на что не влияют в банкротном процессе.

С другой стороны, должники часто скрывают имущество. Но глобально у нас вся практика заточена под кредиторов. Поэтому банки в данном случае оказываются очень продуктивными лоббистами: они продвигают определенные правовые построения, выгодные кредиторам.

— **Вы положительно оцениваете этот процесс?**

— На самом деле это хорошо, потому что банки могут тестировать какие-то вещи. Скажем, залоговое законодательство. Благодаря прокредиторской позиции мы видим

эффективно работающую практику. Я, например, очень сильно надеюсь на заверения и гарантии, возмещение потерь, которые встречаются в каждом втором кредитном договоре. Скорее всего, в ближайшие три-четыре года мы увидим крупнейшую практику, которую сформируют банки. Но вернемся к банкротству.

— **Да. Кто является вторым драйвером?**

— Это государство в лице налоговых органов. Они больше всего добиваются, чтобы кого-то привлечь. В тень сейчас отошло АСВ. Хотя в конце нулевых — начале 10-х годов АСВ являлось главным драйвером в банкротстве. Все эти конструкции, что если ты растратил все имущество, спрятал, потерял бухгалтерскую отчетность, то отвечаешь, — это заслуга АСВ. Думаю, в течение трех-пяти лет мы придем к тому, что аналогичные подходы будут зафиксированы и в корпоративном законодательстве.

— **Есть ли в корпоративном праве такие сильные игроки, как в банкротстве?**

— Сейчас нет. В нулевые годы были. Было несколько таких очень мощных рейдеров, все это закончилось году в 2006–2008; когда прошла реформа АПК, тема заглохла. В начале 10-х годов все трансформировалось в уголовно-правовые направления, а потому наглое рейдерство с использованием откровенно мошеннических приемов сошло на нет. Сейчас из общения с разными игроками на рынке складывается ощущение, что ни одного крупного рейдера-частника не осталось. Было ожидание, что передел банков в рамках разрушения так называемого московского банковского кольца к этому приведет. Но ничего не случилось. А частный бизнес ушел. Поэтому на рынке остались только банкротные драйверы, а в корпоративном направлении никого особенно нет.

— **А если мы говорим о корпоративном законодательстве в целом?**

— В последнее время на корпоративное и гражданское законодательство смотрю с большой грустью. Так, в корпоративном законодательстве за последние 2–4 года случились те изменения, которые не могли свершиться 20 лет. Первая реформа — это доступ акционеров к корпоративным документам. Раньше получить какие-то значимые документы было возможно хотя бы по закону, в теории. Теперь такое невозможно уже и по закону: у нас в законе появился ограничитель в виде критерия деловой цели. Так что на уровне регулирования стало хуже. У любой корпорации есть палочка-выручалочка. Когда бедный-несчастный миноритарий пойдет в суд, ему с вероятностью 95 процентов откажут. Слишком разные ресурсы: на одной стороне — крупная бизнес-корпорация, на другой — ничего не значащий миноритарий. Еще большее ухудшение регулирования — реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

— **Почему Вы так считаете? Многие восприняли реформу положительно.**

— Для крупного бизнеса это, безусловно, плюс. Для инвесторов — минус. Баланс интересов нарушен, одна сторона в выигрыше априори. Это пример отличного лоббизма, я снимаю перед коллегами шляпу. И если вначале реформу корпоративного законодательства в этой части инициировало одно ведомство, сотрудники которого хотели сделать лучше, то между первым и вторым чтениями подключились лоббисты от крупного бизнеса. Да, многие вещи сделали хорошо. Но есть и неоднозначный итог: многие сделки теперь не раскрываются, если компания не посчитает нужным. Презумпции по оспариванию были изменены не в пользу потенциальных заявителей. Истец, конечно, может пойти

в суд, но ему нужно будет доказать огромное количество вещей. Позитивный итог реформы — стабилизация оборота, негативный — снижение ответственности инсайдеров.

— **По факту мы получили промажоритарную модель.**

— Получается так. Я не говорю, что все сделки надо оспаривать. Но когда вода льется на мельницу только одного акционера — это странно выглядит. Поэтому, что будет дальше, не знаю. Но есть подозрение, что следующий блок, который крупный бизнес отрегулирует в свою пользу, — это ответственность акционеров.

— **Какие изменения могут быть?**

— У нас ГК с 2014 года говорит, что любой акционер, не только контролирующий, отвечает перед корпорацией за убытки ровно так же, как директор. Поэтому если ты совершаешь сделку от имени корпорации, но руками гендиректора, то виноват все равно ты. В Законе об акционерных обществах есть нормы еще 90-х годов, которые фактически исключают ответственность контролирующих акционеров. Там указывается на головную компанию, главное хозяйственное общество. И там говорится, что ее можно привлечь к ответственности при наличии трех условий. Во-первых, она должна быть названа в уставе дочерней компании как головная или признаваться таковой в силу превалирующего участия в акционерном капитале, если же доли разпылены, то это условие не выдерживается. Во-вторых, она должна не просто заявиться как контролирующий акционер, а еще свои полномочия использовать во вред этой компании, буквально напакостить и еще где-то это зафиксировать. И после всего этого акционер должен прийти в суд, подтвердить, что компания причинила вред, и представить какие-то доказательства.

— **Ситуация, которую сложно представить даже теоретически...**

— Возвращаемся к той же ситуации с документами. Если вы элементарно не можете получить многие документы, то что вы докажете в суде? Поэтому эта ситуация пока купирована, но рано или поздно у законодателя дойдут руки и до нее. Причем такой нормы нет в Законе об ООО. Поэтому править будут два закона. Проблема в том, что эти поправки обычно приносят выгоду 20–30 компаниям. Я сам занимаюсь законопроектной работой и знаю, как тут все непросто, как много стейкхолдеров обычно вовлечено в процессы согласования. Но когда что-то делается в одни ворота, это неправильно. Потому что сегодня ты «мажор» в каком-то бизнесе, а завтра ты «минор». А потом начинают думать: «А что же мы наделали?». Вообще, сложная ситуация для миноритариев. В одном из недавних крупных кейсов довольно существенный миноритарий не мог в компании получить документы.

И когда он обращался к государству и говорил, что пытается улучшить корпоративное управление в компании (а там и государство было крупным участником), то оно отвечало: «Ты улучшай, мы за тебя». Но как это улучшить, никто не понимал.

— **Возвращаясь к вопросу о руководителях: как можно нивелировать их риски?**

— В теории есть некий пакет, который состоит из трех опций. В реальности этот пакет не работает по разным причинам. Либо из-за глупости, либо из-за страха. Опция первая: вы можете купить страховку для руководителя. В чем реальная проблема страховки? Во-первых, это дорого. Когда вы ходите к страховому брокеру и спросите, сколько это стоит, собственник скажет: «Дорогой друг, ты мне так дорого обходишься, что я лучше 10 таких директоров найду, чем платить страховой компании». Также многие страховки такого

плана содержат некий аналог франшизы. Вы покупаете страховку на 100 млн долл., но любые случаи до 5 млн долл. страховкой не покрываются. Соответственно, зачем вам такая защита? Поэтому реально этот механизм работает только в совсем крупных публичных компаниях. Чтобы завлечь модных сейчас иностранных независимых директоров, эта опция часто используется в пакете, предлагаемом потенциальному кандидату в совет директоров.

— Какие еще опции существуют?

— С 2014 года по ГК вы можете в уставе непубличной компании указать, что директор не отвечает за неразумное поведение. Неразумное поведение — это фактически бизнес-риск. Поэтому если в сделке не было конфликта интересов, не было очевидной недобросовестности, то директор ни за что не отвечает. Большая часть людей про эти вещи

не знает. В своих уставах ничего не пишет. И все живут так, как живут. Практики освобождения от ответственности за счет включения такой оговорки в устав мы пока в судах не видим. Но эта опция в теории есть, и мы клиентам рекомендуем такие вещи.

— Можно ли исключить недобросовестность подобным образом?

— Об этом спрашивают многие клиенты. Увы, можно исключить только неразумность. Правда, пока такие споры до судов не доходят. И третья опция — она тоже из разряда теории, но самая эффективная — аналог indemnity в нашем праве, соглашение о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК). Директор может прийти к своему собственнику, который реально отвечает за то, что он приказывает директору. И сказать: «Дорогой друг, олигарх такой-то, дай мне, пожалуйста, индемнити, что если ко мне придут с иском,

Дмитрий Степанов

В 1999 году окончил Московскую государственную юридическую академию (филиал в г. Вологде).

В 2001 году окончил Российскую школу частного права с присвоением степени магистра частного права.

В 2004 году окончил аспирантуру Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, получив степень кандидата юридических наук.

В 2013 году получил степень LL.M. в Гарвардской школе права.

В 2015 году получил степень магистра государственного управления (MPA) в гарвардской Школе управления им. Джона Ф. Кеннеди.

С 2009 года — партнер адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры».

Адвокат (Адвокатская палата г. Москвы).

Член президиума Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража. Председатель Коллегии по корпоративным спорам Арбитражного центра при РСПП. Член Экспертного совета по корпоративному управлению при Министерстве экономического развития РФ.

Преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», магистратуре Исследовательского центра частного права, Школе права «Статут» и Юридическом институте «М-Логос».

Автор 2 монографий и около 80 публикаций.

то ты меня прикроешь». Представьте такую ситуацию у нас. Собственник, естественно, отправит его куда-нибудь подальше. Поэтому директора и живут в итоге с ситуацией, когда пробуют и рискуют. Когда начинает пахнуть жареным, собственник заинтересован в том, чтобы директор оказался крайним. Собственник может буквально это не говорить, но крупные бизнесмены — тертые калачи. Ты до конца не знаешь, что у них на уме.

— **Безусловно, кто же захочет брать на себя ответственность.**

— Им выгодно, чтобы случился суд и судебный акт, в котором было бы сказано, что директор виноват в том, что наступили такие-то невыгодные последствия, причем от действий директора. Появляется некий официальный документ, в котором сказано, что именно директор виноват, а не собственник. И потом кто же знает, как ситуация будет развиваться? Если компания обанкротится, то в банкротстве собственник становится КДЛ. КДЛ может сказать: «Это же не я виноват, а он, директор». Если не случается банкротства, может случиться какая-нибудь уголовка. Для целей уголовного суда акционеру выгодно сказать, что виноват не он. Понятно, что ни один собственник в нашей стране не захочет подписывать никакие документы и защищать руководителя. Он только на словах готов сделать что угодно. Поэтому из трех опций ни одна не работает.

— **Перейдем от права частного к праву публичному. Вы запустили проект «Конституция — это модно». Почему Вы начали заниматься публичным правом? И какой цели хотите достичь?**

— У меня давно было ощущение, что в частном праве у нас в стране все уже и так хорошо. Знаете, есть некий элемент инерции государственной машины. Если что-то уже началось,

то оно точно пойдет. Так было и с гражданским, и с корпоративным законодательством. Сейчас законодательство приблизили к лучшим западным аналогам. У нас есть партнер, он англичанин. После реформы 2014 года он сказал, что теперь по российскому праву возможно примерно 85–90 процентов того, что ранее было возможно по английскому праву. Иностранцы говорят, что наше право является практически таким же, как «в лучших домах» Европы. Этому законодательству нужно выстояться, нужно, чтобы появилась судебная практика. Дайте судам 10–15 лет, чтобы они все обкатали и отточили.

— **Сложилась такая ситуация, что Вам уже некуда стремиться?**

— Можно сказать и так. Есть многие вещи, которые в частном праве зафиксированы, но не будут исполняться просто потому, что у нас пробелы в публичном праве. В первую очередь нет эффективной судебной системы. Бессмысленно обсуждать заверения и гарантии, если мы не можем решить базовые проблемы в судах с приведением к судебной защите бизнес-договоренностей сторон. В последнее время как-то чаще стали обращаться к тексту Конституции, искать в ней ссылки на те или иные нормы для защиты прав и граждан, и предпринимателей. К сожалению, Конституция у нас не стала безусловным инструментом защиты: многие нормы написаны понятно, но на практике попросту игнорируются. К примеру, мы видим, что постановления Конституционного суда, принятые буквально недавно, через месяц уже не исполняются. Это текущая реальность. Мы в ней живем...

— **Однако в гражданско-правовой области мы так не относимся к несправедливости.**

— Эта ситуация называется «борьба за право». Если вы юрист, то бессмыслен-

но отступить просто потому, что вам сегодня отказали в суде. Или завтра откажут. Наша задача состоит в том, чтобы помогать страждущим. Иногда бизнесменам, иногда — простым людям. Юрист всю жизнь занимается тем, что выступает в роли этакого городского сумасшедшего. Мы приходим и пытаемся доказать то, что другим кажется невозможным. Иногда не удается. Когда не удается, часто у нас опускаются руки. В публичном праве ставки выше. Абсолютно логичный вывод — пойти туда, где непаханое поле. Я начал этим интересоваться, и затянуло.

— Вы раньше интересовались публичным правом?

— Когда я учился в Америке, тоже как-то больше стал смотреть на публично-правовые дисциплины. Хотя продолжал ходить на все курсы корпоративного права. У меня с корпоративным правом получилось абсолютно случайно, так же как сейчас с конституционным. Я никогда не планировал специально им заниматься. Просто так получилось, что в конце вуза мы с однокурсником начали регистрировать юридические лица. Тогда это было абсолютно не гламурно. А по роду деятельности, когда ты пишешь сложный устав, нужно разобратся. Потом стал регистрировать выпуски ценных бумаг. Пришлось погрузиться в ценнобумажное законодательство. Начал разбираться — затянуло. Пошел, стал заниматься. В начале 2000-х корпоративное право стало дико модным. То же самое сейчас с конституционным правом.

— Раньше никто этим не интересовался, а теперь соблюдение конституционных прав стало темой номер один.

— Сейчас каждый кричит про Конституцию. Это прекрасно. Вот только у нас теорией публичного права мало кто занимается. Когда-то давно А.Л. Маковский сказал

такую вещь: у нас все самые яркие теоретики общей теории права, как правило, выходили из права частного. К сожалению, в этой сфере очень мало живой дискуссии. Люди разобщены, разбиты по каким-то кружкам, и им просто недостает драйва, который есть в частном праве. Там отсутствует хайп, который сопровождает частноправовые мероприятия. Поэтому мы с Е.А. Лукьяновой, одним из самых ярких ученых-конституционалистов, решили запустить этот проект. На предыдущий круглый стол было подано 600 заявок. Мы взяли 250 человек, было много обидевшихся. Но я не особо помню, чтобы частноправовые мероприятия собирали больше 100 человек. Это как раз показывает, что случился некий сдвиг в интересах у юристов.

— Вы полностью ушли в публичное право или еще продолжаете заниматься корпоративным?

— Не могу сказать, что меня это поглотило полностью, с головой. И я не достиг еще каких-то высот. Но за собой заметил, что раньше с большим интересом что-то читал в области корпоративного права. Причем я почти ничего не читал русского — больше англоязычное, американское. В последние несколько лет я крайне мало или вообще ничего не читаю из этой сферы. Стало неинтересно. Но когда я даже маленький кусочек вижу про что-то, что мне интересно в области публичного права, я обязательно все распечатаю, потом еще в сносках выпишу, 20 статей распечатаю — и опять заново. Это цепляет, это интересно.

— С чем Вы связываете смещение интереса на публичное право?

— Видимо, я дозрел, повзрослел. Кажется, я как-то услышал примерно то же самое от судьи Г.А. Гаджиева. Мне запомнилась фраза «Всякий юрист проходит несколь-

ко стадий своего становления. Всякий нормальный юрист начинает с частного права, а заканчивает публичным правом". Потому что нельзя всю жизнь заниматься одним и тем же. В публичном праве совсем другие подходы и концепции. У нас есть некий шовинизм со стороны частноправовых юристов, что они, мол, самые крутые, но у юристов из публичной сферы все сложнее и не так прямолинейно, как в цивилистике, а потому и более интересно. Именно там венец юридической мысли, там по-настоящему сложно.

— Конституцию РФ нужно доработать или лучше принять другую?

— У меня раньше было такое юношеское понимание, что текст что-то решает. Я не говорю, что наша Конституция идеальна. Но чем больше я про это думаю, читаю, изучаю, тем тверже прихожу к выводу, что с этим текстом можно прекрасно жить. Приведу в пример американскую конституцию. В ней практически в каждом шаге заложен конфликт. Там всюду идет столкновение лбами разных участников процесса: партий, ветвей власти, подразделений отдельного органа, разных лиц и т. д. Этот постоянный конфликт, постоянная война всех против всех, но в заданных рамках позволяет держать ситуацию в равновесии.

В Конституции есть много чего, что дает очень большие возможности для последующего развития. Проблема в том, что нет доктрины, которая проработана глубоко. Пусть на меня не обижаются публичники, но цивилисты ушли далеко вперед. Нет эффективной судебной системы. Конституционный суд также слишком отстранен от общей судебной власти. До него доходит слишком мало дел, и он при этом занимается уже контролем постфактум. Более того, механизм, позволяющий контролировать исполнение его судебных актов, также отсутствует.

— Как происходит на практике?

— У нас очень много постановлений Конституционного суда, где говорится: «Законодательство надлежит урегулировать определенный вопрос в такой-то срок». Законодатель же говорит: «У меня куча других задач, более срочных, чем решение проблем, поставленных Конституционным судом». То же самое с судами. Там ссылка на Конституцию — как ругательство какое-то. «Других аргументов, что ли, нет? Давай, расскажи, что в Конституции написано». Все это цинично звучит, но по факту ведь так и есть. А по сути, важно развивать принципы, идеи, которые заложены в статьях Конституции. Но суды руководствуются отдельным законом, им некогда развивать Конституцию.

— Судам проще применить то, что понятно. Мало кто готов искать в норме глубокий смысл.

— Не стоит думать, что в зарубежных правовых системах конституции написаны как инструкции: этого нельзя лишать собственности, этим можно разрешать демонстрации, этим можно учреждать религиозную секту. Ничего подобного. К примеру, та же самая американская конституция еще более лаконична во многих вещах, чем наша. Между тем там из одной строчки строят такие конструкции, пишут такие талмуды исследований... У нас этого критического объема правовых позиций просто нет. У нас из постановления Конституционного суда не всегда можно понять, какая позиция суда в принципе подлежит применению. Поэтому от того, что вы измените текст Конституции, лучше не станет. Нужно этот текст наполнять детальным содержанием, а это не вопрос текста закона. От того, что вы, предположим, завтра меняете текст Конституции, станет только еще хуже. Сейчас есть какой-то фундамент. А здесь все придется обрабатывать с нуля.

— **Сейчас мы и двигаемся по пути точечных изменений в Конституции.**

— Будь моя воля, я бы вообще ничего не менял. Даже те небольшие изменения, о которых вы говорите, — ВАС, президентский срок полномочий, укрупнение субъектов Федерации — открыли ящик Пандоры. Теперь среди политиков постоянно возникают желающие сказать: «Давайте там поправим, давайте тут поправим». Поправлять можно долго. Но мы можем повторить ту историю, которую наблюдаем в материальном законодательстве, когда открывается окно возможностей для правки текста, а по факту оказывается только хуже, поскольку в рамках открывшейся возможности начинается турбулентный процесс. Поэтому я очень осторожно к этому делу отношусь.

— **Сейчас много законов, которые противоречат Конституции?**

— Полагаю, что да, довольно много. Особенно в сфере законодательства последних пяти-семи лет, которое принималось на волне какого-то ура-патриотизма, хайпа. Мне кажется, что многие, кто выступал за эти законы, сами понимали их неконституционность. Тем не менее продвигали их. Видите ли, в чем проблема: конституционное право всегда идет в ногу с понятием политического процесса. И в рамках этого процесса формируется воля некоего элитного большинства, которая превалирует сегодня. Если элитное большинство считает так, а вы — иначе, то вы не можете ему противостоять просто потому, что вся политическая система заточена на то, чтобы выражать волю большинства. Так устроен политический процесс.

— **В иных государствах интересы меньшинства защищены лучше?**

— В некоторых государствах есть элементы инклюзивности, когда вы балансируете волю большинства некой защитой мень-

шинства. Как правило, гарантом баланса выступает Конституционный или Верховный суд. Он говорит: «Ну да, мы понимаем, что вы большинство, что вы все равно своего добьетесь, но меньшинство обижать нельзя». В России большинство продвигает то, что ему важно. А судебная система, на мой взгляд, со своей задачей балансировки интересов большинства и меньшинства не справляется, что вполне понятно, ведь эти суды не участвуют в процессе правотворчества буквально. Я имею в виду систему судов общей юрисдикции, арбитражных судов. До Конституционного же суда доходят совсем единичные случаи.

— **Как Вы считаете, ситуация кристаллизовалась или еще возможны изменения?**

— Маятник постоянно раскачивается, система находится в постоянном движении. То же самое в конституционном праве. Кто у нас в кругах исследователей права, студентов-юристов еще три года назад говорил про Конституцию? Никто. Теперь говорят чуть ли не все.

— **Заключительный вопрос. Где и кем себя видит Дмитрий Степанов через пять лет?**

— Хотелось бы надеяться, в праве. Потому что периодически все это надоедает, хочется все бросить и уйти чем-то другим заниматься. Если в праве, то скорее в публичном. Пусть я останусь адвокатом, партнером, но очень надеюсь, что желание заниматься тем, что для меня не изведано, не пропадет. А что будет? Хотите посмешить Бога — расскажите ему о своих планах. Поэтому я уже давно не загадываю. Я вообще по жизни фаталист. Разве я в детстве думал, что буду юристом? Нет. Что буду заниматься корпоративным правом? Нет. Поэтому не знаю. Может, в хижине у моря буду жить — это тоже нормально ●